

Дистанционное психическое насилие: перспективы совершенствования уголовного законодательства

Мосечкин И.Н.

Вятский государственный университет (ФГБОУ ВО ВятГУ), г. Киров, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9724-9552>, e-mail: weretowelie@gmail.com

Статья посвящена исследованию правовых проблем охраны от разновидностей дистанционного психического насилия, проявляющихся в электронной форме. Целью исследования является оценка общественной опасности кибербуллинга, киберсталкинга и киберхарассмента среди потенциальных и реальных жертв, направленная на разработку рекомендаций по совершенствованию отечественного законодательства. Основные результаты исследования были получены посредством проведения опроса 207 человек и сравнительно-правового анализа отечественного и зарубежного законодательства. Полученные результаты позволили сделать выводы о том, что дистанционное насилие имеет место, но его оценка со стороны законодателя и общественности крайне неоднозначна. Киберхарассмент признается более опасным явлением, чем кибербуллинг и киберсталкинг, в связи с чем целесообразно поставить вопрос о его криминализации в уголовном законе. Для этого требуется корректное определение сексуальных домогательств в дистанционной форме, поскольку есть вероятность либо затронуть социально приемлемое поведение, либо упустить разновидности социально неприемлемого поведения.

Ключевые слова: травля, психическое насилие, домогательство, преследование, кибербуллинг, киберсталкинг, киберхарассмент, дистанционное насилие.

Для цитаты: Мосечкин И.Н. Дистанционное психическое насилие: перспективы совершенствования уголовного законодательства [Электронный ресурс] // Психология и право. 2021. Том 11. № 4. С. 64—76. DOI:10.17759/psylaw.2021110405

Distant Psychological Violence: Prospects for Improvement of Criminal Legislation

Ilya N. Mosechkin

Vyatka State University, Kirov, Russian Federation
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9724-9552>, e-mail: weretowelie@gmail.com

The article researches the legal issues of protection from various forms of distant psychological violence arising in electronic communication. The study aims to assess the public danger of cyber-bullying, cyber-stalking and cyber-harassment among potential and real victims in order to develop recommendations for improvement of domestic legislature. The main results of the study have been obtained by surveying 207 individuals and by means of comparative review of domestic and foreign law. The results indicate that distant violence does take place, but its assessment by legislators and the public is highly controversial. Cyber-harassment is commonly seen as a more dangerous phenomenon than cyber-bullying or cyber-stalking, which raises a question of its criminalization in the law. This necessitates a correct definition of sexual harassment in distant form as there are risks of either intruding into the field of socially acceptable behavior or overlooking the socially unacceptable ones.

Keywords: bullying, psychological violence, harassment, stalking, cyberbullying, cyberstalking, cyber harassment, distant violence.

For citation: Mosechkin I.N. Distant Psychological Violence: Prospects for Improvement of Criminal Legislation. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2021. Vol. 11, no. 4, pp. 64—76. DOI:10.17759/psylaw.2021110405 (In Russ.).

Введение

Развитие средств связи повлияло на изменение способов совершения преступлений. Появились новые формы мошенничества, вымогательства, нарушения интеллектуальных прав и других противоправных деяний. Насилие, которое существует столько, сколько существует человечество, также подверглось влиянию технологий, что породило кибернасилие. В зарубежной литературе отмечается, что оно крайне тяжело поддается определению и измерению [18].

Ученые все же предпринимают попытки оценить распространенность отдельных его форм. В литературе к кибернасилию относят буллинг, сексуальные домогательства и сталкинг (преследование), совершенные посредством использования электронной информации. По мнению некоторых авторов, число домогательств в Интернете за десятилетие увеличилось с 6% в 2000 году до 11% в 2010 [12]. Ученые также указывают, что традиционный буллинг и кибербуллинг в последнее время находятся практически на одном уровне [14].

Статистические показатели государственных органов могли бы облегчить оценку распространенности кибернасилия, но различие законодательных подходов к его регулированию не позволяет использовать их должным образом. В отдельных странах существует уголовная ответственность за совершение большинства форм кибернасилия. В других — уголовно-правовые меры применяются только за наиболее опасные акты насилия, хотя не исключается возможность охраны иными отраслями права.

Увеличение количества случаев дистанционного психического насилия, их неодинаковое правовое регулирование определяют актуальность проблемы.

Методы исследования

Целью исследования выступала оценка общественной опасности кибербуллинга, киберсталкинга и киберхарассмента среди потенциальных и реальных жертв, направленная на разработку рекомендаций по криминализации или декриминализации форм кибернасилия. Для определения мнения потенциальных и реальных жертв относительно общественной опасности указанных явлений был использован метод опроса. Опрос проводился в письменной форме на территории трех субъектов Российской Федерации (Кировская область, Республика Коми и Нижегородская область) в течение шести месяцев 2019 года. Любое лицо старше 18 лет могло принять участие в опросе, независимо от пола, национальности, профессии и т. д. Для обеспечения сохранности тайны личной жизни респондентов опрос был анонимным. Всего было опрошено 207 человек. Характеристики респондентов отражены в табл. 1.

Сравнительно-правовой анализ отечественного и зарубежного законодательства применялся для изучения отношения законодателя к проблемам юридической охраны от дистанционного насилия.

Ввиду того, что понимание форм кибернасилия отличается не только у каждого человека, но и в законодательстве различных стран, в настоящей статье и в проведенном опросе используются следующие определения. Под кибербуллингом понимаются оскорбления, издевательства, травля и иное подобное поведение в Интернете. Под киберсталкингом понимается навязчивое и настойчивое преследование со стороны другого человека в Интернете. Под киберхарассментом понимаются домогательства сексуального характера в Интернете.

Результаты исследования и их обсуждение

Анализ зарубежного законодательства показывает неоднозначность подходов к правовому регулированию охраны от кибернасилия. Нормативные акты США содержат противоречивые положения, что объясняется наличием множества источников права и уровнем их действия. Законы большинства штатов предусматривают наказание за киберсталкинг и киберхарассмент. Но сущность, содержание и оценка общественной опасности таких деяний разнятся [11]. Похожая ситуация наблюдается с регулированием буллинга. В том или ином виде длительные, систематические издевательства влекут наступление ответственности, но прямое указание на возможность совершения их в электронной форме присутствует не во всех источниках [19].

Законодательство стран Евросоюза, направленное на противодействие кибернасилию, также не отличается единообразием. Исследования зарубежных авторов показывают, что во многих странах-членах Евросоюза сталкинг и киберсталкинг запрещены под угрозой уголовного наказания. Исключением являются Болгария, Кипр, Дания, Эстония, Греция, Латвия и Литва [21].

В Великобритании имеется ряд законов, направленных на противодействие всем вышеуказанным формам дистанционного насилия. Например, действуют Закон о защите от преследования 1997 года и Закон о защите свобод 2012 года.

Несмотря на общие черты законодательства стран СНГ, единообразие в противодействии кибернасилию также отсутствует. Уголовные кодексы стран СНГ не используют термины «кибербуллинг», «киберсталкинг» или «киберхарассмент», но частичную защиту от таких явлений обеспечивают. Так, УК Кыргызской Республики предусматривает ответственность

за склонение к самоубийству (ст. 102 и 103), понуждение к действиям сексуального характера (ст. 131) и нарушение неприкосновенности частной жизни человека (ст. 135). То есть обеспечивается защита от некоторых разновидностей травли, домогательств и настойчивого преследования.

В Республике Казахстан установлена уголовная ответственность за понуждение лица к действиям сексуального характера, которое совершается путем шантажа или иными описанными в законе способами (ст. 123 УК Республики Казахстан). Кроме того, запрещено незаконное собирание сведений о частной жизни лица, причем более строгое наказание предусмотрено в случае незаконного доступа к электронной информации (ст. 147). Противодействию кибербуллингу частично посвящена статья 131, запрещающая оскорбление с использованием сетей телекоммуникаций.

УК Республики Беларусь похожим образом воспроизводит норму, предусматривающую ответственность за понуждение к действиям сексуального характера, которой запрещаются некоторые виды киберхарассмента (ст. 170). Противодействие кибербуллингу осуществляется путем запрета действий, направленных на доведение до самоубийства (ст. 145 и 146) или оскорбление (ст. 189).

В России защита от дистанционной травли обеспечивается посредством ст. 110 УК РФ. Наказуемыми являются разновидности насилия, если они повлекли самоубийство или покушение на самоубийство. Совершение таких действий в электронной форме образует квалифицированный состав преступления и наказывается строже. Кроме того, за оскорбления (в том числе, в Интернете) предусмотрена административная ответственность (ст. 5.61 КоАП РФ).

Навязчивое и настойчивое преследование со стороны другого человека может быть признано запрещенным деянием, но лишь в крайне редких случаях. С некоторыми оговорками киберсталкинг может охватываться ст. 137 УК РФ. Обязательным признаком в таком случае должно выступать собирание либо распространение сведений, составляющих личную или семейную тайну (история болезни, сексуальная ориентация, семейные взаимоотношения).

Таким образом, некоторые элементы киберсталкинга (как думается, наиболее опасные) могут повлечь уголовную ответственность. В свою очередь, чрезмерное количество сообщений в электронной форме или комментариев в социальных сетях не является преступным поведением.

Это утверждение можно проиллюстрировать судебной практикой. Как следует из решения Советского районного суда города Казани от 14 июня 2018 года, Гражданка Ш. была вынуждена обратиться в суд с иском к К. с требованием взыскать с ответчика денежные средства. Ш. и К. в 2017 году состояли в отношениях. В мае 2017 года отношения были прекращены по инициативе Ш. в связи с регулярным проявлением агрессии и грубым обращением со стороны К. Затем от К. начали поступать угрозы, попытки принудить Ш. к возобновлению отношений. В связи с агрессивным поведением К., постоянными звонками и слежкой Ш. обращалась в правоохранительные органы. Впервые полиция провела беседу с К. в мае 2017 года. Примененные полицией меры не возымели воздействия. На момент судебного разбирательства угрозы в адрес Ш. продолжались: К. звонил по телефону, писал сообщения, в ночное время звонил в домофон, длительное время проводил у подъезда, мешал общаться с людьми. Обращение в полицию в октябре 2017 года к результатам вновь не привело.

Таким образом, гражданин К. осуществлял навязчивое и настойчивое преследование (в том числе дистанционно), но не привлекался к ответственности, поскольку действия не образовывали состав преступления или правонарушения.

Что касается дистанционных домогательств, то они могут быть признаны преступными при строгом соблюдении ряда условий. Если действия сексуального характера осуществляются в отношении несовершеннолетних, то нарушитель может быть привлечен к уголовной ответственности по ст. 135 УК РФ. Ненасильственные действия сексуального характера по отношению к взрослым наказываются, если приобретают характер понуждения и совершаются способами, закрепленными в ст. 133 УК РФ. Сексуальные домогательства в электронной форме, совершаемые по отношению к взрослым жертвам, без каких-либо угроз и использования зависимости, не влекут наступление уголовной ответственности. Очевидно, остается достаточно большое число потенциальных жертв, не защищаемых уголовным законом.

Изложенное позволяет сделать вывод о том, что законодательство России достаточно фрагментарно обеспечивает охрану от кибернасилия. Конечно, в том или ином виде все формы находят отражение в законодательстве, но лишь при соблюдении ряда вышеуказанных условий. В действительности нарушения могут не обладать всем набором необходимых признаков. В связи с этим законодателю было бы полезно оценить мнения реальных и потенциальных потерпевших, в пользу или против криминализации отдельных случаев кибернасилия.

Проведенный опрос частично отражает такое мнение. Среди респондентов примерно в равном соотношении оказались мужчины и женщины старше 18 лет.

Таблица 1

Показатели респондентов

Пол	
Мужской — 42,5%	Женский — 57,5%
Возраст	
18–20 лет — 16%	31–40 лет — 5,4%
21–24 года — 45,8%	41 год и старше — 1,9%
25–30 лет — 30,9%	
Количество часов, в течение которых лицо пользуется интернетом за сутки	
0 часов — 0,5%	5–6 часов — 28%
1–2 часа — 21,25%	Больше 7 часов в день — 12,5%
3–4 часа — 37,75%	

Преобладающее число опрошенных никогда не сталкивались с дистанционным насилием, указанным в анкете. Навязчивое и настойчивое преследование в цифровой среде встречалось респондентам чаще остальных форм. Так, 26% участников анкетирования столкнулись с киберсталкингом, 23,6% — с кибербуллингом, и лишь 10,1% — с киберхарассментом. Небольшое число респондентов стали жертвами сразу нескольких форм кибернасилия.

Как удалось выявить, женщины чаще страдают от преследований и сексуальных домогательств, чем мужчины. Доля жертв киберсталкинга женского пола составляет 79,6%, а киберхарассмента — 95,2%. Меньше всего половая принадлежность оказывает влияние на

вероятность стать жертвой дистанционной травли. Из общего числа пострадавших 51% — это мужчины, а 49% — женщины.

Общественная опасность дистанционного насилия оценивается неоднозначно. По мнению опрошенных, в качестве наименее опасного явления выступает киберсталкинг. Только 29,5% всех опрошенных выступили в пользу уголовной ответственности, больше половины (52,1%) — административной, 8,2% — имущественной. 10,2% респондентов утверждают, что дистанционное преследование не должно влечь за собой наступление юридической ответственности.

Вторым по уровню опасности является кибербуллинг. Почти треть (31,4%) респондентов выступили в пользу уголовной ответственности, 54,1% — административной, 8,2% — имущественной.

Самым опасным поведением, по мнению респондентов, являются дистанционные сексуальные домогательства. Подавляющее большинство (72,9%) посчитало, что такое явление должно быть уголовно наказуемо. В пользу административной ответственности высказались 21,3% опрошенных, а в пользу гражданско-имущественной — 3,9%. По мнению 1,9% опрошенных дистанционные сексуальные домогательства не должны влечь за собой наступление юридической ответственности.

Таблица 2

Ответственность за кибернасилие по мнению опрошенных лиц

Количество человек, которые столкнулись с кибер-насилием			
Киберсталкинг (дистанционное преследование)		26%	
Женщины — 79,6%		Мужчины — 20,4%	
Кибербуллинг (дистанционная травля)		23,6%	
Женщины — 49%		Мужчины — 51%	
Киберхарассмент (дистанционные сексуальные домогательства)		10,1%	
Женщины — 95,2%		Мужчины — 4,8%	
Вид юридической ответственности, являющийся адекватным для киберсталкинга			
Уголовная — 29,5%	Административная — 52,1%	Имущественная — 8,2%	Не требуется — 10,2%
Вид юридической ответственности, являющийся адекватным для кибербуллинга			
Уголовная — 31,4%	Административная — 54,1%	Имущественная — 8,2%	Не требуется — 6,3%

Вид юридической ответственности, являющийся адекватным для киберхарассмента			
Уголовная — 72,9%	Административная — 21,3%	Имущественная — 3,9%	Не требуется — 1,9%

Как следует из результатов опроса, с кибернасилием сталкивались четверть опрошенных лиц. Такие показатели в целом соответствуют ранее проведенным исследованиям. Например, распространенность киберсталкинга оказалась на уровне 26% среди опрошенных. В зарубежной литературе указывается на 16% потерпевших среди женщин и 5% среди мужчин [5]. Другие исследования показывают разброс от 8% до 32% среди женщин [16].

Распространенность кибербуллинга оказалась на уровне 23,6% среди опрошенных. В то же время по результатам исследования, проводимого в Турции, число жертв составило 27% [2]. В Малайзии исследование кибербуллинга среди взрослых выявило 39,7% потерпевших, которые подвергались насилию в течение шести месяцев [3].

Самые неоднозначные показатели наблюдаются в исследованиях дистанционных сексуальных домогательств. Доля потерпевших из опрошенных нами лиц составила 10,1%, в то время как другие исследования указывают на 33,6% [4] или даже 40% потерпевших [8]. Обзор литературы, проведенный А. Калаитзаки, показывает распространенность виктимизации, варьирующуюся от 18,9% до 45,2% [13].

Распределение потерпевших по половому составу, полученное в результате исследования, достаточно закономерно и подтверждается иными исследованиями. Ряд авторов указывают, что потерпевшими от киберсталкинга и киберхарассмента чаще становятся женщины [7; 17]. Данные формы девиантного поведения в основном имеют сексуальную направленность, в то время как основными нарушителями выступают мужчины [15].

Распределение потерпевших от дистанционной травли по половому составу по разным исследованиям отличается. Некоторые авторы утверждают, что женщины страдают от такого насилия чаще, чем мужчины [23]. Однако наше исследование подтверждает позицию, согласно которой пол несущественно сказывается на вероятности стать жертвой кибербуллинга [22].

Распространенность кибернасилия является одним из индикаторов необходимости криминализации его форм. Изучение мнения потерпевших от кибернасилия выступает в качестве дополнительного аргумента, с учетом того, что относительно криминализации единства нет ни среди законодателей стран, ни в научной литературе. Высказывается даже весьма критикуемое мнение о том, что кибербуллинг не должен быть запрещен, поскольку является проявлением свободы слова [9].

Думается, можно согласиться с тем, что криминализация дистанционной травли вряд ли оправдана, а расходы на расследование и судопроизводство могли бы с большим успехом быть направленными на программы профилактики кибербуллинга. В то же время респонденты выступили в пользу менее репрессивной административной ответственности (54,1%), что следует принять во внимание.

Навязчивое и настойчивое преследование в электронной форме не запрещено в нескольких странах-членах Евросоюза и в большинстве стран-членов СНГ. Опасность такого явления отражена в ряде зарубежных и отечественных трудов [1; 20]. С другой стороны, часть опрошенных лиц, высказывающихся в пользу уголовной ответственности, оказалась

незначительной, даже среди жертв. Казалось бы, лица, пережившие длительные навязчивые преследования в Интернете, должны строже относиться к нарушителям, но из 54 жертв лишь 6 человек указали на необходимость уголовной ответственности. Полагаем возможным согласиться с мнениями респондентов. Киберсталкинг нарушает права и свободы граждан, но не обладает столь высокой опасностью, влекущей обязательность уголовно-правовой охраны. Основываясь на мнениях респондентов, полагаем необходимым признать киберсталкинг в качестве деликта, но без применения уголовно-правовых мер. Однако когда киберсталкинг перерастает в преступления сексуального характера или деяния, посягающие на охраняемую законом тайну, уголовно-правовая охрана необходима.

Дистанционные сексуальные домогательства были оценены респондентами наиболее негативно. Большинство опрошенных лиц выступают за уголовную ответственность в отношении нарушителей. Действующее законодательство стран СНГ уже предполагает уголовно-правовую охрану, но лишь в случае, если домогательства приобретают форму понуждения. Жертвы не считают действующие меры достаточными, поэтому выступают за криминализацию иных форм.

Такая проблема существует и в странах Евросоюза. Как отмечает Г. Карстенсен, некоторые разновидности проблемного поведения, связанные с полом, не признаются в качестве домогательств. При этом большое количество проблемных моделей поведения и ситуаций носят полулегальный характер, а это означает, что им уделяется мало внимания и, скорее всего, они останутся без контрмер. То есть неприемлемое поведение может быть оценено правоприменителем как «нормальное» [6].

Следует согласиться с тем, что частота домогательств может усиливаться, когда жертвы сталкиваются с вторичной виктимизацией из-за отказа в правосудии со стороны системы уголовного правосудия [10]. Авторы, помимо прочего, указывают на необходимость большей защиты женщин, но гендерно ориентированное законодательство, на наш взгляд, может стать ошибкой. Действительно, как показал проведенный опрос, подавляющее большинство потерпевших — лица женского пола. Однако мужчины также могут выступать в качестве потерпевших, причем не всегда вследствие действий нарушителя противоположного пола. Это указывает на необходимость правовой защиты всех граждан без исключения, хотя меры профилактики все же следует ориентировать на женщин, как преобладающую долю потерпевших.

Опасность отсутствия должного правового регулирования интернет-насилия обусловлена также тем, что без правовой охраны люди могут находить выход из ситуации с помощью незаконных способов [11]. Так, 10 апреля 2013 года гражданин З. был приговорен Воткинским районным судом Удмуртской Республики к лишению свободы за совершение убийства гражданина С (дело № 1-142). Согласно показаниям осужденного З., когда он пришел в квартиру к С., то у них возник словесный конфликт на почве того, что С. длительное время писал ему непристойные сообщения (гомосексуального характера) в сети Интернет. В ходе конфликта он начал наносить удары ножом, что привело к смерти С.

Таким образом, представляется возможным согласиться с мнением респондентов о криминализации киберхарассмента, что позволит охватить даже те случаи, когда киберхарассмент не связан с использованием угроз, шантажа или зависимости. Криминализация должна быть гендерно нейтральной несмотря на то, что большинством потерпевших являются женщины. Наиболее сложной проблемой для законодательства любой страны является корректное определение киберхарассмента, поскольку есть

вероятность либо затронуть социально приемлемое поведение, либо, напротив, упустить разновидности социально неприемлемого поведения.

Выводы

1. Подход к криминализации форм кибернасилия отличается в законодательстве различных стран. Даже интеграция государств не означает единства в борьбе с дистанционным насилием. Совершение травли, преследований и сексуальных домогательств в электронной форме в зависимости от места совершения преступления может повлечь уголовную ответственность, а может вовсе не считаться запрещенной деятельностью.

2. Проведенный опрос показал, что дистанционное насилие имеет место. Как минимум четверть респондентов стали потерпевшими от отдельных его разновидностей. Наиболее опасными и заслуживающими уголовной ответственности опрошенные лица назвали сексуальные домогательства в электронной форме. В то же время дистанционные травля и преследование были оценены респондентами как менее опасные деяния, которые должны повлечь не уголовную, а административную ответственность.

3. Киберхарассмент, по мнению опрошенных лиц и большей части ученых, является одной из самых опасных форм дистанционного насилия, поэтому целесообразно предусмотреть уголовную ответственность за такое деяние. Криминализация должна охватывать случаи, когда сексуальные домогательства не связаны с использованием угроз, шантажа или зависимости. Для этого требуется корректное определение сексуальных домогательств в дистанционной форме, поскольку есть вероятность либо затронуть социально приемлемое поведение, либо упустить разновидности социально неприемлемого поведения.

4. Навязчивое преследование в электронной форме является менее опасной разновидностью кибернасилия, поэтому его криминализация может быть оправдана в том случае, если есть вероятность наступления вредных последствий или грубого нарушения прав человека. Само по себе навязчивое присутствие лица в электронной форме не должно быть основанием применения к нему уголовно-правовых мер. В то же время, поскольку такие действия не являются социально приемлемыми, то для их ограничения достаточным может быть применение административной ответственности.

5. Травля в электронной форме имеет разное выражение и может причинять существенный вред обществу. Поэтому возможность применения уголовно-правовых мер должна разрешаться в зависимости от содержания. Действия, направленные на понуждение к совершению самоубийства или разжигание ненависти к социальным группам, безусловно должны быть строго наказаны посредством применения уголовно-правовых норм. Если же речь идет об оскорблениях, в том числе систематических, то, возможно, достаточным окажется применение административно-правовых мер.

Литература

1. Барышева К.А. Преследование как новый вид уголовно-наказуемого деяния // Пробелы в российском законодательстве. Юридический журнал. 2016. № 8. С. 178—182.
2. Arslan S., Savaser S., Hallett V., Balci S. Cyberbullying Among Primary School Students in Turkey: Self-Reported Prevalence and Associations with Home and School Life // Cyberpsychology, Behavior, and Social Networking. 2012. Vol. 15. № 10. P. 527—533.

3. *Balakrishnan V.* Cyberbullying among young adults in Malaysia: The roles of gender, age and Internet frequency // *Computers in Human Behavior*. 2015. № 46. P. 149—157. doi:<https://doi.org/10.1016/j.chb.2015.01.021>
4. *Beran T.N., Rinaldi C., Bickham D.S., Rich M.* Evidence for the need to support adolescents dealing with harassment and cyber-harassment: Prevalence, progression, and impact // *School Psychology International*. 2012. Vol. 33. № 5. P. 562—576.
5. *Black M.C., Basile K.C., Breiding M.J., Smith S.G., Walters M.L., Merrick M.T.* The national intimate partner and sexual violence survey (NISVS): 2010 summary report [Электронный ресурс] // Atlanta, GA: National Center for Injury Prevention and Control, Centers for Disease Control and Prevention. 2011. URL: https://www.cdc.gov/violenceprevention/pdf/nisvs_report2010-a.pdf (дата обращения: 15.12.2019).
6. *Carstensen G.* Sexual Harassment Reconsidered: The Forgotten Grey Zone // *NORA — Nordic Journal of Feminist and Gender Research*. 2016. Vol. 24. № 4. P. 267—280.
7. *Cavezza C., McEwan T.E.* Cyberstalking versus off-line stalking in a forensic sample // *Psychology, Crime & Law*. 2014. Vol. 20. № 10. P. 955—970. doi:10.1080/1068316X.2014.893334
8. *Dreßing H., Bailer J., Anders A., Wagner H., Gallas C.* Cyberstalking in a Large Sample of Social Network Users: Prevalence, Characteristics, and Impact Upon Victims // *Cyberpsychology, Behavior, and Social Networking*. 2014. Vol. 17. № 2. P. 61—67. doi:10.1089/cyber.2012.0231
9. *El Asam A., Samara M.* Cyberbullying and the law: A review of psychological and legal challenges // *Computers in Human Behavior*. 2016. № 65. P. 127—141.
10. *Halder D., Jaishankar K.* Cyber gender harassment and secondary victimization: A comparative analysis of the United States, the UK, and India // *Victims & Offenders*. 2011. Vol. 6. № 4. P. 386—398. doi:10.1080/15564886.2011.607402
11. *Hazelwood S.D., Koon-Magnin S.* Cyber stalking and cyber harassment legislation in the United States: A qualitative analysis // *International Journal of Cyber Criminology*. 2013. Vol. 7. № 2. P. 155—168.
12. *Jones L.M., Mitchell K.J., Finkelhor D.* Online harassment in context: Trends from three youth internet safety surveys (2000, 2005, 2010) // *Psychology of Violence*. 2013. Vol. 3. № 1. P. 53—69.
13. *Kalaitzaki A.* Cyberstalking victimization and perpetration among Greek college students // *Identity, Sexuality, and Relationships among Emerging Adults in the Digital Age* / Under ed. M.F. Wright. Hershey PA, USA: Information Science Reference, 2017. 369 p.
14. *Kessel Schneider S., O'Donnell L., Smith E.* Trends in Cyberbullying and School Bullying Victimization in a Regional Census of High School Students, 2006-2012 // *Journal of School Health*. 2015. Vol. 85. № 9. P. 611—620. doi:10.1111/josh.12290
15. *Ménard K.S., Pincus A.L.* Predicting Overt and Cyber Stalking Perpetration by Male and Female College Students // *Journal of Interpersonal Violence*. 2011. Vol 27. № 11. P. 2183—2207.
16. *Pereira F., Matos M.* Cyber-Stalking Victimization: What Predicts Fear Among Portuguese Adolescents? // *European Journal on Criminal Policy and Research*. 2015. Vol. 22. № 2. P. 253—270. doi:10.1007/s10610-015-9285-7
17. *Pereira F., Spitzberg B.H., Matos M.* Cyber-harassment victimization in Portugal: Prevalence, fear and help-seeking among adolescents // *Computers in Human Behavior*. 2016. № 62. P. 136—146.
18. *Peterson J., Densley J.* Cyber violence: What do we know and where do we go from here? // *Aggression and Violent Behavior*. 2017. № 34. P. 193—200. doi:10.1016/j.avb.2017.01.012

19. Smit D. Cyberbullying in South African and American schools: A legal comparative study // *South African Journal of Education*. 2015. Vol. 35. №. 2. P. 1—11.
20. Tjaden P.G. Stalking and cyberstalking // *The encyclopedia of criminology and criminal justice* / under ed. G. Bruinsma, D. Weisburd. New Jersey, USA: Wiley-Blackwell, 2014. 2760 p.
21. Van der Aa S. New Trends in the Criminalization of Stalking in the EU Member States // *European Journal on Criminal Policy and Research*. 2017. № 24. P. 315—333. doi:10.1007/s10610-017-9359-9
22. Watts L.K., Wagner J., Velasquez B., Behrens P.I. Cyberbullying in higher education: A literature review // *Computers in Human Behavior*. 2017. № 69. P. 268—274. doi:https://doi.org/10.1016/j.chb.2016.12.038
23. Zalaquett C.P., Chatters S.J. Cyberbullying in College: Frequency, Characteristics, and Practical Implications [Электронный ресурс] // *SAGE Open*. 2014. Vol. 4. №. 1. URL: https://journals.sagepub.com/doi/full/10.1177/2158244014526721 (дата обращения: 20.01.2020).

References

1. Barysheva K.A. Presledovaniye kak novyy vid ugovovno-nakazuyemogo deyaniya [Stalking as a new criminal offence]. *Probely v rossiyskom zakonodatel'stve. Yuridicheskiy zhurnal [Gaps in Russian legislation]*, 2016, no 8, pp. 178-182. (In Russ.)
2. Arslan S., Savaser S., Hallett V., Balci S. Cyberbullying Among Primary School Students in Turkey: Self-Reported Prevalence and Associations with Home and School Life. *Cyberpsychology, Behavior, and Social Networking*, 2012, Vol. 15, no 10, pp. 527—533.
3. Balakrishnan V. Cyberbullying among young adults in Malaysia: The roles of gender, age and Internet frequency. *Computers in Human Behavior*, 2015, no 46, pp. 149—157. doi:https://doi.org/10.1016/j.chb.2015.01.021
4. Beran T.N., Rinaldi C., Bickham D.S., Rich M. Evidence for the need to support adolescents dealing with harassment and cyber-harassment: Prevalence, progression, and impact. *School Psychology International*, 2012, Vol. 33, no 5, pp. 562—576.
5. Black M.C., Basile K.C., Breiding M.J., Smith S.G., Walters M.L., Merrick M.T. The national intimate partner and sexual violence survey (NISVS): 2010 summary report. Atlanta, GA: National Center for Injury Prevention and Control, Centers for Disease Control and Prevention, 2011. Available at: https://www.cdc.gov/violenceprevention/pdf/nisvs_report2010-a.pdf (Accessed 15.12.2019).
6. Carstensen G. Sexual Harassment Reconsidered: The Forgotten Grey Zone. *NORA – Nordic Journal of Feminist and Gender Research*, 2016, Vol. 24, no 4, pp. 267—280.
7. Cavezza C., McEwan T.E. Cyberstalking versus off-line stalking in a forensic sample. *Psychology, Crime & Law*, 2014, Vol. 20, no 10, pp. 955—970. doi:10.1080/1068316X.2014.893334
8. Dreßing H., Bailer J., Anders A., Wagner H., Gallas C. Cyberstalking in a Large Sample of Social Network Users: Prevalence, Characteristics, and Impact Upon Victims. *Cyberpsychology, Behavior, and Social Networking*, 2014, Vol. 17, no 2, pp. 61—67. doi:10.1089/cyber.2012.0231
9. El Asam A., Samara M. Cyberbullying and the law: A review of psychological and legal challenges. *Computers in Human Behavior*, 2016, no. 65, pp. 127—141.
10. Halder D., Jaishankar K. Cyber gender harassment and secondary victimization: A comparative analysis of the United States, the UK, and India. *Victims & Offenders*, 2011, Vol. 6, no 4, pp. 386—398. doi:10.1080/15564886.2011.607402

11. Hazelwood S.D., Koon-Magnin S. Cyber stalking and cyber harassment legislation in the United States: A qualitative analysis. *International Journal of Cyber Criminology*, 2013, Vol. 7, no 2, pp. 155—168.
12. Jones L.M., Mitchell K.J., Finkelhor D. Online harassment in context: Trends from three youth internet safety surveys (2000, 2005, 2010). *Psychology of Violence*, 2013, Vol. 3, no 1, pp. 53—69.
13. Kalaitzaki A. Cyberstalking victimization and perpetration among Greek college students. *Identity, Sexuality, and Relationships among Emerging Adults in the Digital Age*. In M.F. Wright (ed.). Hershey PA, USA: Information Science Reference, 2017. 369 p.
14. Kessel Schneider S., O'Donnell L., Smith E. Trends in Cyberbullying and School Bullying Victimization in a Regional Census of High School Students, 2006-2012. *Journal of School Health*, 2015, Vol. 85, no 9, pp. 611—620. doi:10.1111/josh.12290
15. Ménard K.S., Pincus A.L. Predicting Overt and Cyber Stalking Perpetration by Male and Female College Students. *Journal of Interpersonal Violence*, 2011, Vol. 27, no 11, pp. 2183—2207.
16. Pereira F., Matos M. Cyber-Stalking Victimization: What Predicts Fear Among Portuguese Adolescents? *European Journal on Criminal Policy and Research*, 2015, Vol. 22, no 2, pp. 253—270. doi:10.1007/s10610-015-9285-7
17. Pereira F., Spitzberg B.H., Matos M. Cyber-harassment victimization in Portugal: Prevalence, fear and help-seeking among adolescents. *Computers in Human Behavior*, 2016, no 62, pp. 136—146.
18. Peterson J., Densley J. Cyber violence: What do we know and where do we go from here? *Aggression and Violent Behavior*, 2017, no 34, pp. 193—200. doi:10.1016/j.avb.2017.01.012
19. Smit D. Cyberbullying in South African and American schools: A legal comparative study. *South African Journal of Education*, 2015, Vol. 35, no 2, pp. 1—11.
20. Tjaden P.G. Stalking and cyberstalking. *The encyclopedia of criminology and criminal justice*. In G. Bruinsma, D. Weisburd (eds.). New Jersey, USA: Wiley-Blackwell, 2014. 2760 p.
21. Van der Aa S. New Trends in the Criminalization of Stalking in the EU Member States. *European Journal on Criminal Policy and Research*, 2017, no 24, pp. 315—333. doi:10.1007/s10610-017-9359-9
22. Watts L.K., Wagner J., Velasquez B., Behrens P.I. Cyberbullying in higher education: A literature review. *Computers in Human Behavior*, 2017, no 69, pp. 268—274. doi:https://doi.org/10.1016/j.chb.2016.12.038
23. Zalaquett C.P., Chatters S.J. Cyberbullying in College: Frequency, Characteristics, and Practical Implications. *SAGE Open*, 2014, Vol. 4, no 1, Available at: https://journals.sagepub.com/doi/full/10.1177/2158244014526721 (Accessed 20.01.2020).

Информация об авторах

Мосечкин Илья Николаевич, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права, процесса и национальной безопасности, Вятский государственный университет (ФГБОУ ВО ВятГУ), г. Киров, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9724-9552>, e-mail: weretowelie@gmail.com

Information about the authors

Ilya N. Mosechkin, PhD in Law, Associate Professor, Chair of Criminal Law, Criminal Procedure Law and National Security, Vyatka State University, Kirov, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9724-9552>, e-mail: weretowelie@gmail.com

Мосечкин И.Н.

Дистанционное психическое насилие: перспективы совершенствования уголовного законодательства
Психология и право. 2021. Том 11. № 4. С. 64—76.

Mosechkin I.N.

Distant Psychological Violence: Prospects for Improvement of Criminal Legislation
Psychology and Law. 2021. Vol. 11, no. 4, pp. 64—76.

Получена 30.01.2020

Принята в печать 10.11.2021

Received 30.01.2020

Accepted 10.11.2021